

Апофатизм и катафатизм в протестантизме

© К. Прохоров, 2006

Константин ПРОХОРОВ, Россия, Омск

Константин Прохоров родился в 1966 г. Окончил исторический факультет Северо-Казахстанского университета и Одесскую богословскую семинарию ЕХБ. Преподаёт историю Церкви и систематическое богословие в Западно-Сибирском библейском колледже (г. Омск, Россия). Имеет степень магистра богословия с отличием по истории баптизма и анабаптизма от университета Уэльса (Великобритания), в настоящее время работает над докторской диссертацией. Автор трёх книг по истории и теологии. Женат, трое детей.

Дионисий Ареопагит в своём изумительном трактате «Мистическое богословие», относящемся, вероятно, к раннему средневековью, ввёл понятие о двух путях в христианском богопознании¹. Первый путь — катафатический (катафатικός), предполагающий традиционные положительные утверждения (скажем, «Бог есть свет» (1 Ин. 1.5)), второй путь — апофатический (ἀποφατικός), основывающийся на совершенном отрицании (например, продолжение мысли в 1 Ин. 1.5: «нет в Нём никакой тьмы»).

Катафатическое знание доступнее и привычнее для людей, вместе с тем у него есть очевидные, изначально очерченные границы, перейти которые человеку не под силу. Апофатизм способен прорвать замкнутый круг, или совершить духовное восхождение к Господу, однако знание, в обычном смысле слова, при этом исчезает, язык умолкает, оказываясь бессильным выразить заведомо невыразимое, а на первое место выходит молитвенно-мистическое общение с Богом невидимым, непостижимым, неизобразимым и, в то же время, безмерно любящим нас и близким. Посильное сочетание обоих методов богопознания, по-видимому, и есть то благо, к которому следует стремиться христианину, доколе Сам Господь не ответит на все вопросы в вечности.

Погружаясь в божественную премудрость Священного Писания, мы встречаем апофатические высказывания едва ли не на каждой его странице. Основа закона Божьего, Десять заповедей, почти полностью апофатична. Декалог, своеобразно предоставляя людям свободу

¹ См. также другие трактаты Дионисия Ареопагита, особенно «Божественные имена». В сб.: Мистическое богословие. — Киев: Путь к Истине, 1991.

в Господе, учит, скорее, тому, чего следует *не* делать, чем делать: не сотвори кумира, не произноси имени Бога всуе, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не возжелай дома ближнего своего... В чём здесь сокрыт смысл? Катафатический способ мышления – столь ограничен и поверхностен, что вполне может рассматриваться лишь в качестве дополнения (или какой-то малой частности) по отношению к апофатизму, воззрению невыразимо более широкому и глубокому.

В Ис. 64.4 и 1 Кор. 2.9 находим удивительное обетование: *«Не видел того глаз, не слышало ухо, не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»*. На первый взгляд, предложенный здесь апофатический (посредством ряда отрицаний) подход к теме вечности – неинформативен и как будто проигрывает катафатическому (сравним его с детальным описанием Небесного Иерусалима в Отк. 21). Однако подобное предубеждение тотчас проходит, как только нам удаётся хоть немного овладеть апофатическим методом, и тогда даже краткое «отрицательное» описание небес в Библии удивительным образом преображается. *«Не видел того глаз...»* – апофатически восклицают пророк Исаия и апостол Павел. Упростим данную мысль, сведя её к катафатическому уровню: а что наши глаза видели на земле? Разумеется,

в падшем мире мы встречаем много дурного и греховного. Вместе с тем, человеку доступны для обозрения и шедевры великих художников, скульпторов, архитекторов, мы видим вокруг себя всё великолепие Божьего творения... И всё же, согласно Исаии и Павлу, это *ничто*² в сравнении с тем, что Бог приготовил в вечности для Своих детей. *«Не слышало ухо...»* – а ведь мы слышим на земле признания в любви от дорогих нашему сердцу людей, проникновенное слово христианской проповеди, умирительное пение, – однако и это *ничто*, памятуя о небесах! *«Не приходило то на сердце человеку...»* – хотя уже сейчас нас посещает немало чудесных, возвышающих дух мыслей, творческих откровений, – и всё равно это абсолютное *ничто* в сравнении с тем, что сбудется в вечности!

Так, отталкиваясь от привычного для большинства людей катафатизма, мы постепенно становимся на путь апофатический, впервые осмысленный уже некоторыми отцами Церкви, путь, безбоязненно провозглашающий превосходство *незнания* человека...³ Как написано: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неиз-*

² В другом месте у ап. Павла находим опять же полное отрицание (οὐδείς) чего бы то ни было доброго в человеке, не исполненного любовью: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я

ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том *никакой* пользы» (1 Кор. 13.2-3).

³ Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви, в кн.: Лосский В. Богословие. — М.: Издательство АСТ, 2003, с. 125-135.

реченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12.2-4).

Образованнейший человек, ещё недавно принадлежавший к элите иудейского общества, апостол Павел смиренно признаёт немощь своего ума и языка в описании Божьих тайн. Что же тогда сказать о прочих людях? Все *«мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем... видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно...»* (1 Кор. 13.9,12). Таков удел всякого человека, живущего на земле. Как сказал поэт:

*...Мне жаль людей,
не ведающих Бога,
И жаль людей,
всезнающих о Нем⁴.*

Мистическое богословие, основанное на апофатическом методе, в своё время получило достаточное признание в христианском мире, причём как на Западе, так и на Востоке⁵. Хотя, вероятно, большее почтение апофатизму до сих пор выражалось в Православной Церкви. Протестантизм, часто (и нередко заслуженно) обвиняемый в излишнем рационализме, по сути, остался равнодушен к данной проблематике. Настоящее небольшое исследование призвано показать, что, как это ни странно, протестанты имеют даже больше оснований (в сравнении с католиками и православными)

включать апофатизм в свою общую гносеологическую концепцию.

Прежде всего, апофатизм протестантизма мне видится в отказе от почитания любого рода священных изображений и предметов (икон, статуй, мощей, святой воды и т.д.). Намеренно – в вопросах веры – лишив себя опоры на материальное начало, последователи Реформации, в своём большинстве, поклоняются Богу невидимому и неизобразимому. Доверившись утверждениям Священного Писания⁶, отклонив неоднозначные, часто противоречивые предания Церкви на данную тему, протестанты неожиданно для себя обрели ряд несомненных богословских преимуществ перед историческими церквями. Ведь те же иконы, даже самые совершенные из них, по своей сути, подобны антропоморфическим утверждениям Библии о Боге, которые, несомненно, снисходят к катафатическому мышлению немощного человека, как будто у Бога в действительности есть: уши⁷, глаза⁸, уста⁹, руки¹⁰, ноги¹¹, крылья¹², перья¹³ и т.п. Такого рода воображаемые иллюстрации, наверное, по-своему необходимы младенцам в вере и ведении (включая протестантов). Но как было бы немислимо поставить перед собой задачу изобразить, скажем, живую душу человека¹⁴, столь же нереаль-

⁴ Иеромонах Роман, <http://tropinka.orthodoxy.ru/zal/poezija/roman/index.htm>

⁵ Лосский. Там же. — С. 125.

⁶ Исх. 20.4-6; Втор. 4.15-19. Здесь уместно вспомнить, что Десять заповедей относятся к разряду вечных, и как было бы нелепо сегодня ставить под сомнение повеления не произносить имени Бога всуе, не прелюбодействовать, не красть и проч., так же немислимо для протестантов и нарушить запрет в отношении «священных изображений».

⁷ 4 Цар. 19.16; Пс. 16.6.

⁸ Езд. 5.5; Пс. 32.18.

⁹ Чис. 12.8; Ис. 58.14.

¹⁰ Исх. 24.11; Деян. 2.33.

¹¹ Исх. 24.10; Лк. 20.43.

¹² Руф. 2.12; Пс. 16.8.

¹³ Пс. 90.4.

¹⁴ Хотя на уровне комиксов некоторые пытаются сегодня делать и это.

но написать и её Первообраз, или Бога невидимого. Ведь мало кто сомневается в том, что человек создан по образу и подобию Божию отнюдь не плотью своей, но именно душою (разумом, чувствами, волей). И апофатизм — как путь более совершенный — указывает непосредственно на невидимого Бога, причём как в Ветхом (Исх. 33.20), так и в Новом Заветах: «Единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь» (1 Тим. 6.16).

Так зрелый протестантизм, последовав за Писанием, невольно выходит на путь апофатизма, доступный лишь оставившим младенчество. И тогда христианину открывается много большее в сравнении с тем, что ему было ведомо прежде. В таком контексте становится более понятным и протестантское равнодушие (во времена Реформации и позднее) к паломничеству в Святую землю, ибо истинный Иерусалим для христианина — Иерусалим горний, а не земной¹⁵. Там, где католику и православному необходимо осенить себя крестным знаменем, протестанту достаточно мысленно помолиться, причём делает он это, как правило, с закрытыми глазами, не прибегая к посредничеству какого-либо материального образа. Апофа-

тичны, по своей сути, и богослужение протестантов, и их церковная архитектура, и внутреннее убранство молитвенных домов. Тонко чувствующавший вопросы веры русский поэт Ф.И. Тютчев в 1834 году прекрасно выразил эту особенность протестантизма:

*Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий,
важный и простой —
Сих голых стен,
сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье*¹⁶.

Детям в воскресной школе протестанты отнюдь не запрещают рисунки (катафатический метод), однако не приемлют какого-либо поклонения этим изображениям. Здесь можно вспомнить любопытный парадокс, не раз наблюдавшийся в христианской истории: Церкви, в которых писались иконы, нередко преследовали светскую живопись (преимущественно, в средневековье), а протестанты обычно не были суровы к ней¹⁷. Таким образом, последователи Реформации, как правило, усматривали принципиальную разницу между религиозным и светским характером искусства, проявляя строгость в первом случае и снисходя во втором. Слишком велик и невыразим небесный Первообраз, чтобы осмеливаться показывать Его каким бы то ни было подбором красок, а неточность в изображении

¹⁵ Евр. 13.14; Фил. 3.20.

¹⁶ Тютчев Ф. Стихотворения. — М.: Правда, 1978, с. 108.

¹⁷ Даже известный особенной строгостью ко всему «мирскому» Жан Кальвин писал: «Я не настолько ограничен, чтобы полностью запрещать делать изображения. Поскольку способности к лепке и рисованию суть Божьи дары, я лишь

считаю, что их нужно использовать со всякой чистотой и обоснованностью...» Кальвин допускал реализацию художественных талантов вне религиозной сферы: в изображении исторических событий, людей, природы. Он даже считал это полезным и эстетически приятным. (Calvin, Institutes of the Christian Religion. Philadelphia: The Westminster Press, 1973, Vol. 1, p. 112).

падшего материального мира художниками – вполне простительна. Что полезно и допустимо для детей, весьма часто не является таковым для взрослых, а потому протестанты в большинстве своём рекомендуют, оставив любые несовершенные изображения, со страхом и трепетом ступить на путь превосходнейший, прямо обращаясь к невидимому Богу.

Но ведь Христос пришёл на землю во плоти, скажут нам. В Евангелие читаем: «*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил*» (Ин. 1.18); «*[Христос]... есть образ Бога невидимого*» (2 Кор. 4.4). Стало быть, и невидимого Господа можно теперь изображать? Едва ли это так. Христос действительно пришёл к людям во плоти, как истинный Человек, но тем самым апофатизм в познании Господа отнюдь не умаляется, ибо кто способен изобразить Христа как Сына Божьего и Бога-Сына? Здесь кисть в руках иконописца изнемогает¹⁸. Не трудно представить себе ситуацию, как Господь Иисус избирает Себе в апостолы, помимо не наученных рисовать и ваять евреев, какого-нибудь способ-

ного к изобразительному искусству эллина, а затем заботится о сохранности Своих образов и статуй для грядущих поколений. Однако отнюдь не это было угодно Спасителю, Он пошёл совсем по другому пути, с которым правильнее было бы считаться и всем Его последующим ученикам: «*...Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив... сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая*» (Мк. 14.22-24).

Итак, не икону оставил после себя Христос, а Вечерю Господню¹⁹. Евхаристические Хлеб и Чаша, внешне подчёркнуто непохожие на человека, апофатически совершенно являют христианам Господа: «*Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?*» (1 Кор. 10.16). Хлеб и Чаша, оставленные нам Христом для святого причастия, повсюду в Новом Завете упоминаются в контексте с непосильными для рационалистического разума словами,

¹⁸ Григорий Палама (XIV в.) и его последователи решали эту проблему путём разделения сущности Бога (которая непознаваема и неизобразима) и Его «энергий» (которые деятельно проявляются в любой теофании и даже посредством материальных предметов, например, через иконы). (См.: Прот. Мейендорф И. Жизнь и труды святого Григория Паламы. Введение в изучение. СПб.: Byzantinorossica, 1997). Однако, на наш взгляд, здесь нельзя не заметить скрытой богословской попытки, в конечном итоге, отдать предпочтение катафатическому методу богопознания. Ведь при подобной постановке вопроса люди всё равно «видят Бога» не таким, каков Он есть, но лишь в той, крайне упрощённой, форме, в которой Непостижимый приоткрывает

Себя неспособному вместить Его полноту человеку. Сказанное относится и к Богу воплощённому, Иисусу Христу, безусловно, зримому как Человеку и неисследимому как Богу.

¹⁹ Данный библейский факт не раз отмечали византийские богословы в период иконоборческого движения в VIII веке, но ещё задолго до них, например, Иоанн Златоуст учил: «Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его [в Евхаристии], прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он даёт тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и вкушать...» (82-я беседа на Евангелие от Матфея), http://oldes.tstu.ru/orthodox/library/mirror/ccel/Zlatmat2/Mat2_82.html

что они суть Тело и Кровь Христа²⁰. Одновременно, утверждение о незримом присутствии Тела и Крови Спасителя в трапезе Господней неизменно в библейском тексте переходит в повторное упоминание Хлеба и Чаши, как к полностью взаимозаменяемым, синонимичным понятиям. В 1 Кор. 10.16-17 эту закономерность можно было бы выразить следующей схемой:

Чаша – Кровь

Хлеб – Тело – Хлеб – Тело – Хлеб

В часто цитируемом евхаристическом тексте из 1 Кор. 11. 23-29 данная схема будет несколько сложнее:

Хлеб – Тело – Хлеб – Хлеб – Тело – Хлеб – Тело

Чаша – Кровь – Чаша – Чаша – Кровь – Чаша

Здесь же можно вспомнить Ин. 6.48-58, где Иисус говорит о Себе как о Хлебе жизни:

Хлеб – Хлеб – Хлеб – Хлеб – Хлеб –
Плоть – Плоть – Плоть – Плоть –
Плоть – Плоть – Хлеб – Хлеб

Памятуя об известных отличиях между католическим, православным и протестантским подходами в осмыслении Вечери Господней, может ли нам чем-то помочь апофатический подход к проблеме? Безусловно! Уже в Афанасьевском Символе веры появляется утверждение о *неслиянности* и *нераздельности* Святой Троицы²¹. К подобной мысли, только в связи с христологической проблемой – как соотносятся между собой две природы и две воли Господа Иисуса Христа, – приходят и отцы IV (Халкидонского, 451 г.) и VI (Константинопольского, 680-681 гг.) Вселенских соборов²². Отец Реформации Мартин Лютер в своём важнейшем труде «О вавилонском пленении Церкви» (1520 г.) очень близко подошёл к той же мысли в отношении святого причастия:

Наконец я нашел прочную основу для моей совести в ...суждении о том, что, несомненно, хлеб и вино остаются истинными, но все-таки в них присутствуют истинное Тело и истинная Кровь Христа... Никто не должен бояться обвинений в ереси, если он убежден, что в Ал-

²⁰ Мф. 26.26-28; Мк. 14.22-24; Лк. 22.19-20 и т.д.

²¹ «Вселенская же вера сия состоит в том, чтобы нам чествовать единого Бога в Троице и Троицу в Единице, не сливая Ипостасей (*neque confundentes personas*) и не разделяя сущности (*neque substantiamseperantes*)». http://inokinf.by.ru/docs/symbols/athanas_latin.html?extract=1129550216

²² «...Мы все единогласно учим исповедовать Одного и Того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенным по Божеству и Его же Самого совершенным по человечеству; подлинно Бога и Его же Самого подлинно Человека... Одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах *неслитно* (*ἀσυγχύτως*), *непревращённо* (*ἀτρέπτως*), *нераздельно* (*ἀδιαίρετως*), *неразлучно* (*ἀχώριστως*)». (См. Карташев А. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994, с. 273).

Карташев А. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994, с. 273). (См. Карташев А. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994, с. 273). «Проповедуем также, по учению св. отцов, что в Нём и две естественные воли или хотения, и два естественные действия *нераздельно* (*ἀδιαίρετως*), *неизменно* (*ἀτρέπτως*), *неразлучно* (*ἀχώριστως*), *неслиянно* (*ἀσυγχύτως*). И два естественные хотения не противоположны [одно другому], как говорили нечестивые еретики, – да не будет! – но Его человеческое хотение не противоречит [не стоит в противоположности] и не противоборствует [не противится преднамеренно], а следует или – лучше сказать – подчиняется Его божественному и всемогущему хотению». (См. Болотов В. Лекции по истории древней Церкви в 4-х тт. М., 1994, т. 4, с. 498-499).

таре находятся истинный хлеб и истинное вино. Напротив, каждый должен знать, что ему без опасения за свою святость позволено придерживаться любого из двух [суждений]... Я твердо верю не только в то, что Тело Христово присутствует в хлебе, но и в то, что хлеб – это Тело Христово... Чтобы в Таинстве Причастия присутствовали истинное Тело и истинная Кровь [Христовы], не обязательно, чтобы хлеб и вино пресуществовались...²³

Бытуют различные истолкования этих поразительных слов. Нередко Лютера обвиняют даже в том, что он не до конца порвал с римско-католической традицией²⁴. Тем не менее, остаётся фактом, что Мартин Лютер отказался от учения о пресуществлении. Как можно совместить, казалось бы, взаимоисключающие утверждения: 1) в таинстве причастия, вместе с Хлебом и Чашей с вином, присутствуют истинные Тело и Кровь Христовы; 2) пресуществления не происходит? Лютеранские богословы объясняют это следующим, кажется, не слишком удачным образом:

«Мы принимаем истинное Тело и истинную Кровь нашего Господа «в, с и под благословенным хлебом и вином» (т. е. в хлебе и вине, с хлебом и вином и под видом хлеба и вина...)»²⁵.

Не вполне ясно, как сей тонкий вопрос разумел сам Лютер, однако его уважительное отношение к буквальному смыслу библейского текста (в отличие от Кальвина и Цвингли, направивших ход мысли на иносказательное, или «духовное» истолкование евхаристических стихов Нового Завета²⁶) нам представляется достойным самой высокой оценки. Да, это может выглядеть «неразумным», «нерациональным», близким к мистике, и всё же: в точности так утверждает Священное Писание, незыблемое Слово Божие.

В этом есть нечто подобное тому, как мы «неразумно» веруем в Троидного Бога (в Его *неслиянность* и *нераздельность*) или же в гармоничное сочетание божественного и человеческого естества Спасителя (тоже непременно *неслиянных* и *неразделимых*). Казалось бы, что может быть нелепей подобных апофатических заявлений, с точки зрения здравого смысла? И, тем не менее, эту веру с редкостным единодушием исповедует весь христианский мир, включая все основные протестантские церкви, и никто при этом не чувствует себя душевнобольным или скудоумным.

Почему же столь замечательный богословский метод, проверенный временем, мы не решаемся применить в осмыслении Вечери Господней? Ведь Писание, и это известно всем, утверждает, что евхаристический Хлеб – подлинный хлеб и Тело Христа одновременно²⁷, и Чаша –

²³ См. <http://svitlo.by.ru/bibloteka/luter/vavilon.htm>

²⁴ Эриксон М. Христианское богословие. — СПб.: Библия для всех, 1999, с. 942.

²⁵ Кречмар Г. Святое Причастие согласно уче-

нию и укладу Лютеранской церкви. Der Bote (Вестник), Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви, №1'2002, с. 8.

²⁶ Эриксон, с. 943-945.

²⁷ Каждый раз во время Вечери Господней мы

подлинное вино и Кровь Христа одновременно²⁸. Быть может, мы боимся отойти от протестантских основ веры? Но кто больший протестант, чем Мартин Лютер? Однако он, стоя на прочном фундаменте святых Писаний, не устранился признать их буквальный смысл!

Подобно тому как в горнице, где Христос вместе с учениками совершал Тайную вечерю, находились одновременно обычные хлеб и чаша с вином, и Сам Христос (Его Плоть и Кровь, вся полнота Его Личности), то же самое таинственное событие, по сути, происходит и в момент причащения (хлебопреломления), без какого бы то ни было пресуществления²⁹. То есть евхаристический Хлеб – и после общей молитвы пресвитера и общины – остаётся, несомненно, обычным хлебом и, одновременно, становится подлинным Телом Христа. И эти два естества пребывают неслиянно и неотделимо друг от друга, подобно двум природам Христа, сто процентов хлеб и сто процентов Его Тело. То же и с Чашей во время вечери: вино остаётся ви-

ном и, вместе с тем, становится подлинной Кровью нашего Спасителя, неслиянно и нераздельно, сто процентов вино и сто процентов Кровь, как апофатически исповедуем непостижимую для человеческого разума гармонию двух природ и волений Иисуса Христа, истинного Бога и истинного Человека.

Подобный взгляд на Вечерю Господню издревле присутствовал в Восточной Церкви. Профессор Н.Д. Успенский приводит ряд любопытных цитат на данную тему из трудов отцов Церкви³⁰. Однако, начиная со Средних веков, катафатическое учение о пресуществлении почти полностью вытесняет старое (апофатическое) понимание причастия³¹. В этом смысле показательно осуждение православного богослова, профессора А.И. Осипова, осмелившегося недавно напомнить о «халкидонском» подходе к евхаристии³².

Но даже если взять самую крайнюю постановку проблемы, включающую в себя пресуществление, то не следует, на наш взгляд, бояться и этого. Протестанты почему-то часто

читаем слова ап. Павла о том, что Христос, преломляя хлеб, сказал: «*сие есть Тело Моё*», и не просто какое-то абстрактное или «духовное» Тело, а «*за вас ломимое*» (1 Кор. 11.24).

²⁸ О евхаристической Чаше сказано: «*сие есть Кровь Моя нового завета*», и, опять же, это не воображаемая кровь, а «*за многих изливаемая*» (Мк. 14.24).

²⁹ Выражение «без пресуществления» можно сравнить, опять же, с отрицательным наречием *ἀτρέπτως* («непревращённо», «неизменно») из вероопределений IV и VI Вселенских соборов.

³⁰ Успенский Н.Д. Анафора (Опыт историко-литургического анализа). Богословские труды. Сб. 13. М., 1975. С. 125-147.

³¹ Например, классический труд митрополита Макария «Православно-догматическое богословие», наиболее часто цитируемый отечествен-

ными богословами, сообщает о таинстве евхаристии исключительно как о пресуществлении, или синонимичных ему «преложении» и «претворении». (Митр. Макарий, Православно-догматическое богословие, в 2-х тт. М.: Паломник, 1999 (репринт 1883 г.), т.2. С. 367,385,396).

³² «Хлеб не превращается невидимо, обманчиво для чувств в Тело Христово, а халкидонски соединяется с Ним с Богом Слово воплощенным, причащается Ему, как и при восприятии Им человеческой природы воплощения». (Осипов А.И. Евхаристия и священство, [http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=253&did=3971&p_comment=&call_action=print1\(default\)](http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=253&did=3971&p_comment=&call_action=print1(default))) Критику этой работы см., например: Архимандрит Рафаил (Карелин). Еще раз о еретических заблуждениях профессора МДА А.И. Осипова, <http://heologym.narod.ru/rafail.htm>

пугаются даже самого слова «пресуществление», традиционного для католиков и православных в объяснении тайны Вечери Господней. Однако показанная выше взаимозаменяемость евхаристических понятий Хлеб – Тело (Тело – Хлеб) и Чаша – Кровь (Кровь – Чаша) полагает для нас новозаветный фундамент в осмыслении темы.

Если после молитвы над Хлебом и Чашей с вином они действительно изменяются (только, исключительно) в подлинные Плоть и Кровь Иисуса Христа, то непосредственно во время участия членов Церкви в трапезе Господней, в момент вкушения, происходит, если можно так выразиться, *обратное пресуществление* – в хлеб и вино³³ (почему они и воспринимаются на вкус соответственно³⁴). Допустив подобную точку зрения, мы избегаем известной натянутости протестантских «духовных» толкований в отношении онтологии Вечери Господней, сохраняя при этом протестантскую позицию в своей сути: хлеб остаётся хлебом, а вино – вином³⁵.

Церковь есть Тело Христово (Еф. 1.22-23; Кол. 1.24), в котором

Сам Христос – Глава (Кол. 1.18; Еф. 5.23), а мы – члены (частицы) этого живого единого Тела (Рим. 12.4-5; 1 Кор. 12.12-27). Христос, останавливая Савла на пути в Дамаск, говорит: *«Что ты гонишь Меня?.. Я Иисус, Которого ты гонишь...»* (Деян. 9.4-5). Этими словами Спаситель, пребывающий на небесах, несомненно, отождествляет Себя со Своей страдающей на земле Церковью (Телом). *«Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»* (1 Кор. 12.26).

То же самое видим и в причастии: все члены (частицы) Церкви, принадлежат к живому Телу Христову, дабы не погибнуть, непременно питаются Его жизненными соками, от Плоти и Крови, даже если не вполне разумеют, как совершается сие таинство. Возможно даже, чем менее разумеют, тем лучше: тем более они доверяются *непостижимо* Богу. Как в смирении сказал глубокий богослов св. Ефрем Сирий (IV в.):

А я, братия, не делаюсь отважным, потому что могу рассуждать о Господних Тайнах, или даже

³³ Любопытно отметить, что подобная мысль присутствует в православном Древнем Патерике, 18.4 (издание 1899 г.). Правда, церковный редактор комментирует её в контексте как «очевидное видение от дьявола». См. <http://www.krotov.info/acts/04/0399ptr6.html>

³⁴ Здесь можно вспомнить «пресуществление» воды в кровь Моисеем и Аароном в Египте (Исх. 7.19-21), а Христом – воды в вино на браке в Кане Галилейской (Ин. 2.1-10). При этом следует отметить, что ни кровь в Египте, ни вино в Кане не были образными, но подлинными, воспринимаемыми на вкус (и, вероятно, на цвет) кровью (Исх. 7.18,21) и вином (Ин. 2.9-10). Едва ли после этих библейских примеров благочестиво ставить вопрос о «целесообразности» претворения на-

шим Господом как вина в Кровь, так и Крови в вино.

³⁵ При этом вполне возможно, щадя чувства «несгибаемых» протестантов, обойтись и без упоминания пресуществления. Другими словами: кто во время Вечери Господней видит только Хлеб и Чашу с вином, тот и вкушает только хлеб и вино, не осознавая вполне таинства приобщения к Телу и Крови Христовым (1 Кор. 10.16), однако это приобщение у всякого искреннего христианина всё равно неизбежно происходит; а кто видит в трапезе Господней Самого Христа, тот, вкушая те же хлеб и вино, уже осознанно приобщается к Его ломимому Телу и изливаемой за грешников пречистой Крови.

прикасаться к сим сокровенным и страшным Тайнам. А если бы и захотел употребить дерзость, и стал рассуждать о них, то не в состоянии буду постигнуть... Я смертен, из персти и перстен, из перстного естества создан по благодати; добровольно сознаю ничтожность естества своего и не хочу входить в исследования о моем Создателе, потому что страшен Непостижимый по естеству³⁶.

Удивительно, но факт: мышление большинства русских баптистов апофатично (даже если они не знакомы с самим термином). Это в полной мере проявляется в исповедании ими Бога великого, непостижимого и неизобразимого³⁷.

Трудно ещё в какой-либо церкви найти столько благоговения при хлебопреломлении, которое официально у русских баптистов даже не именуется таинством, но по сути своей таково. В подтверждение сказанного достаточно вспомнить: пятничный церковный пост (с пол-

ным воздержанием от пищи и, не редко, от воды) перед причастием, личный пост утром в день трапезы Господней, покаянные моления, минорные песнопения о страдающем Христе, часто сопровождаемые слезами³⁸, случайно уроненную на пол и тут же в благоговении поднятую крошку евхаристического Хлеба, страх пресвитеров и диаконов расплескать драгоценную Чашу³⁹, убеждение, что Чашу нужно не пригубить, а обязательно сделать полноценный глоток, самое серьёзное отношение рядовых членов церкви к апостольскому предупреждению (понимаемому, кстати, вполне буквально, а не аллегорически!): *«кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе... оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает»* (1 Кор. 11.29-30)⁴⁰.

Подобные красноречивые детали свидетельствуют именно о таинстве отечественного баптистского причастия, а не только о традицион-

³⁶ Ефрем Сирий. Против исследователей естества Сына Божия. <http://www.pagez.ru/lstn/0451.php>

³⁷ В гимнах №№ 114 и 440 из сборника «Песнь возрождения» («Гусли» №№ 241 и 269), в частности, звучат такие строки:

«Телесно очами Тебя созерцать // нам не дано, грешным, но верой объять // с любовью мы можем, хотя и незримый // даёшь Ты Собою неисповедимый // восторг душе...»; «О, любви неизмеримой // подвиг чудный и святой, // благодати непостижимой // ум понять не может мой. // Агнец, в жертву принесённый! // Чем Тебя вознаградить // мне за дар неизреченный?...»

Подобные апофатические мысли присутствуют и во многих других гимнах главной богослужбной книги отечественных баптистов, см., например, №№ 66, 91, 98, 108, 187 и т.д.

³⁸ Здесь стоит ещё отметить следующее: «Хлеб и чаша с вином – это только символы страданий Христа!» – возвещают порою с кафедры

молодые и «грамотные» баптистские проповедники. «Да, конечно», – не спорят старцы, и тут же, причащаясь, плачут...

³⁹ Мне вспоминается один пожилой пресвитер баптистской церкви в Омске, который так простодушно и говорил своей общине во время вечери Господней: «Будьте осторожны, братья и сёстры, чтобы не разлить Кровь Христа!»

⁴⁰ В отношении болезней, кстати, от служителей церкви часто можно услышать примерно следующую мысль: «Не было ещё случая, чтобы кто-либо заболел вследствие причащения из одной чаши («говорят, негигиенично»), а вот про исцеления от болезней часто слышим...» К этому можно добавить, что «святое целование» после Вечери Господней так же понимается отнюдь не аллегорически и по-прежнему широко практикуется в традиционных церквях ЕХБ, неохотно поддаваясь западной практике обычного рукопожатия.

ном «воспоминании» страданий Христовых⁴¹, как об этом часто говорится официально. Нет, не просто хлеб на подносе и вино в чаше видят русские баптисты!

Несомненно, среди них есть свои рационалисты, любители западных богословских книг и учебников по теологии. И всё же большинство членов церкви (включая немалую часть пресвитеров, даже вопреки полученным ими знаниям в библейских школах и семинариях⁴²), под влиянием общей восточно-православной традиции, удачно переплетающейся с изначальным протестантским апофатизмом, тяготеют к христианскому мистическому богословию, отказываясь от попытки постичь Бога разумом. Именно поэтому отечественные баптисты столь часто и с особенным чувством повторяют, интуитивно выбирая из Писания, например, следующие апофатические тексты:

«Вот, Бог велик, и мы не можем познать Его; число лет Его неисследимо» (Иов. 36.26).

«Дивно для меня ведение Твое, - высоко, не могу постигнуть его!» (Пс. 138.6)

«Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо» (Пс. 144.3).

«Велик Господь наш и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. 146.5).

«...Вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим» (Ис. 40.28).

«Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь...» (Ис. 55.8).

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11.33)

«Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1.25-29).

«Благодарение Богу за неизреченный дар Его!» (2 Кор. 9.15)

«Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово» (Еф. 3.8).

«Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков» (1 Тим. 1.17).

Осознавая всю не бесспорность высказанных в настоящей статье взглядов, всё же считаю необходимым привлечь к данной теме внимание как можно большего числа богословов и служителей поместных общин для более глубокого осмысления хорошо известных нам особенностей отечественной евангельской духовной традиции.

⁴¹ На эту тему см., например, прекрасную работу С.В. Санникова «Вечеря Господня» (Альманах «Богомыслие», № 1'1990, с. 65-116).

⁴² Где у нас всё ещё, по известным причинам, преобладает западное, не всегда приемлемое для русского баптистского братства, богословие.

Библиография

- Архимандрит Рафаил (Карелин). Еще раз о еретических заблуждениях профессора МДА А.И. Осипова, <http://theologym.narod.ru/rafail.htm>
- Болотов В. Лекции по истории древней Церкви в 4-х тт. — М., 1994.
- Ефрем Сирий. Против исследователей естества Сына Божия. <http://www.pagez.ru/lsn/0451.php>
- Иоанн Златоуст, 82-я беседа на Евангелие от Матфея, http://oldes.tstu.ru/orthodox/library/mirror/ccel/Zlatmat2/Mat2_82.html
- Карташев А. Вселенские соборы. — М.: Республика, 1994.
- Кречмар Г. Святое Причастие согласно учению и укладу Лютеранской церкви. // Der Bote (Вестник), Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви, №1'2002.
- Лосский В. Боговидение. — М.: Издательство АСТ, 2003.
- Мартин Лютер. О вавилонском пленении Церкви, <http://svitlo.by.ru/bibloteka/luter/vavilon.htm>
- Мистическое богословие. — Киев: Путь к Истине, 1991.
- Митрополит Макарий. Православно-догматическое богословие, в 2-х тт. — М.: Паломник, 1999 (репринт 1883 г.).
- Осипов А. Евхаристия и священство, [http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=253&did=3971&p_comment=&call_action=print1\(default\)](http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=253&did=3971&p_comment=&call_action=print1(default)).
- Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. — СПб.: Byzantinorossica, 1997.
- Санников С. Вечеря Господня. // Альманах «Богомыслие», № 1'1990, с. 65-116.
- Успенский Н. Анафора (Опыт историко-литургического анализа). // Богословские труды. Сб. 13. М., 1975. — С. 125-147.
- Эриксон М. Христианское богословие. — СПб.: Библия для всех, 1999.
- Calvin, Institutes of the Christian Religion. Philadelphia: The Westminster Press, 1973.